

ФИЛОСОФИЯ*(шифр научной специальности: 09.00.13)*

УДК 101

А.М. Руденко*Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал)**Донского государственного технического университета**г. Шахты, Россия*

amrudenko@list.ru

**ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ
ЭВОЛЮЦИОННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ КУЛЬТУРЫ****[*Andrey M. Rudenko* Life and death of the person
in conditions of evolutionary transformations of culture]**

The specifics of interrelation of phenomena of life and the death of the person in the conditions of evolutionary transformations of culture is revealed. The author believes that the evolutionary transformations of culture resulting from dialectics of life and death of the generations of people replacing each other in a civilized part of mankind with each new generation lead to expansion of opportunities of freedom of the person, its quality and specific manifestation. Human life is accompanied by constant dissatisfaction that pushes it to look for meaning of life beyond its limits, to be beyond cash life, to try to look in death chasm, to overcome purely human in the person. But fight for the personality and its realization is a way to relative immortality. Immortality of the personality is shown in the achievements of creativity not only finding the embodiment in culture, but also being a condition of evolutionary transformations of culture.

Key words: life, death, meaning of life, evolution, culture, person, personality, philosophical anthropology.

*И вот когда-нибудь весна опять разбудит
И от оков воздвигнет мир живой.
Но час пробьет. Меня среди живых не будет,
Я встречу, как и все, черед свой роковой.
Что будет там? Куда, в час смерти окрыленный,
Мой дух, веленью вняв, беззвучно воспарит?
Ответа нет! Молчи, мой ум неугомонный,
Тебе не разгадать, чем вечность нас дарит.*

*Но, как природа вся, мы жаждой жить влекомы,
Зовем тебя и ждем, красавица весна!
Нам радости земли так близки, так знакомы, –
Зияющая пасть могилы так темна!*

П.И. Чайковский

Всякий живущий на Земле человек от гения до бродяги, вне зависимости от своего величия или ничтожности, смертен. Более того, человек – это существо, знающее о своей смертности. Он знает и понимает, что смерть – это его неминуемое и неотвратимое будущее, неизбежный конец жизненных явлений, утрата всех жизненных ценностей, смыслов, значений и возможностей. Помня о смертности, человек способен «...четко представлять себе, что там не будет ничего из того, что мы приобрели, накопили здесь» [6, с. 277]. Осознание этого приводит к противоречивым выводам: от полного обесценивания жизни, провозглашению ее бессмысленной до восприятия ее величайшей, уникальной и безусловной ценностью, открывающей перед живущим человеком любые возможности. Объективный и взвешенный философско-антропологический подход к проблеме жизни и смерти человека в условиях эволюционных трансформаций культуры актуален и важен потому, что дает человеку ответ на ключевой вопрос его бытия, на один из фундаментальнейших вопросов философии о смысле человеческой жизни.

Лишь смерть придает жизни смысл. Не случайно Н.А. Бердяев утверждает: «Смерть есть самый глубокий и самый значительный факт жизни, возвышающий самого последнего из смертных над обыденностью и пошлостью жизни. И только факт смерти ставит в глубине вопрос о смысле жизни» [2, с. 216]. Бессмертная жизнь была бы бессмысленной. Смысл всегда определяется концом, завершенностью. Было бы абсолютно невозможно усмотреть смысл в жизни, если бы она была бесконечной. Поэтому философия, как и наука, в отличие от религии, не обещает человеку вечной жизни, бессмертия или жизни по ту сторону смерти. Современное философско-антропологическое исследование жизни и смерти должно исходить именно из такого методологического основания.

Жизнь и смерть, взаимно обуславливая друг друга в сознании живущего человека, по факту своего онтологического проявления во времени сле-

дуют друг за другом: «Во времени жизнь и смерть вообще неразличимы или не встречаются друг с другом» [6, с. 278]. И в жизни смерть страшит человека лишь в двух аспектах: в осознании неизбежности собственной смерти и в утрате близких и дорогих людей. Нелегко сделать вывод о том, что из этих двух аспектов страшнее.

Что касается осознания конечности собственной жизни и попыток культуры снизить страх смерти, то определенные наработки в культуре в этом отношении имеются. Религия, искусство, идеология, средства массовой коммуникации, индустрия развлечений, проблемы и заботы повседневности, самореализация личности в творчестве и потребление его результатов – все это, так или иначе, отвлекает человека от мыслей и переживаний о собственной смертности. В то же время смерть, особенно собственная смерть человека, всегда была и будет одной из самых таинственных, загадочных, мучительных, пугающих, но в то же время болезненно манящих и привлекательных проблем человеческого бытия. В.К. Кантор справедливо пишет: «Жизнь – это то, что человек жаждет. Смерть выталкивает человека в неизвестность. Хотя Христос и обещал вечную жизнь на том свете тем, кто уверует в него. И все же страшная неизвестность мучила тех, кто поднялся до уровня рефлексии» [4, с. 65]. Это связано с тем, что человек не только знает, что рано или поздно умрет, но и тем, что он никогда не знает, как это будет. В то же время он понимает, что это бывает совершенно по-разному. Собственный же опыт умирания не может не быть уникальным. И он не может быть знаком человеку. Более того, как верно пишет Б.В. Марков, «смерть не может быть изучена научными методами, ибо она представляет собой уникальный и неповторимый для отдельного человека опыт» [6, с. 284]. Опыт смерти нельзя обобщить.

Поэтому смерть и страшит, и притягивает человека одновременно. Страх смерти – универсальный страх человека во все исторические эпохи его культурного существования. Примечательно, но и на онтогенетическом уровне он появляется у человека не сразу, «а только с формированием у ребенка абстрактного мышления в среднем в период от 5 до 7 лет» [5, с. 47]. Со временем в структуре психики человека формируется и в разной степени интенсивности проявляется танатоническая доминанта, которая обнаруживается «...не только как «любовь к мертвому», но и еще как «тяга к демонизму», как глубоко присущая человеку потребность в получении «острых ощущений» от созер-

пания насилия и смерти, стремление к риску, воспринимаемому как грань между жизнью и смертью» [12, с. 110]. Именно это обуславливает явное или скрытое желание человека наблюдать процесс, связанный со смертью, или ее различных виртуальных форм. Хорошо понимая эту особенность человека, современная киноиндустрия и средства массовой коммуникации в погоне за рейтингами и кассовыми сборами не скупаются на самые изощренные и натуралистические демонстрации смерти: «На экране стреляют, пытаются, режут, давят и умирают, умирают, умирают, причем порой это не игровые съемки, а вполне документальные...» [3, с. 309]. Но и в художественных фильмах последнего столетия и особенно современности подобного рода сцен чрезвычайно много. Так, серия фильмов ужасов Джеймса Вонга и Глена Моргана «Пункт назначения», имеющая большой коммерческий и зрительский успех у аудитории, построена исключительно на показе различных вариаций смерти героев в результате кажущейся случайной цепочки событий. Их гибель от серии к серии изображена все более жестоко и натуралистически: кровавые и леденящие душу сцены катастроф, сторания при пожаре или взрыве, сбивания транспортом, падения с высоты, удушения, утопления, обезглавливания, выкалывания глаз, повешения, раздавливания, расплющивания, резания, прокалывание головы и др. Успех у зрительской аудитории подобных сцен объясним скрываемым желанием человека во все времена не только на экране, но и в реальной жизни приручить смерть, заигрывать со смертью, продемонстрировать мнимое бесстрашие перед ней, что проявляется не только в желании созерцать ее, но и идти на неоправданный риск для собственной жизни. Но «подружиться» со смертью невозможно. Пока есть жизнь, смерть всегда будет самым глубинным источником любого человеческого страха.

Это объяснимо еще и тем, что человек всегда одинок в смерти. Да и, собственно, одиночество пугает человека прежде всего потому, что оно само по себе порождает мысли о смерти. Более того, современная культура, по сравнению с предыдущими эпохами, как отмечает Ф. Арьес, ограничивает ритуализацию смерти. Если в предыдущие эпохи человек умирал в окружении родственников, то в современных условиях «мы и в действительности имеем теперь все шансы умирать в одиночестве, в пустынной тишине больничной палаты» [1, с. 50]. И даже уважаемый и успешный внешне человек часто глубоко одинок и в осознании приближения смерти, и в собственной борьбе с ней. Она страшит его

не только своей неизвестностью, что само по себе мучительно, но и размышлениями о потенциальных страданиях, связанных с умиранием. Внезапная и безболезненная смерть в глубокой старости во сне – это довольно редкое явление. Условия современной культуры вызывают ощущение непредсказуемости течения жизни, которая может оборваться в любой момент в результате террористического акта, инфаркта миокарда, автокатастрофы, отравления, нападения злоумышленника или упавшей на голову сосульки с крыши дома.

Смерть всегда, с неотвратимой и закономерной неизбежностью наступает для живущего человека. Зрелый человек знает это не только по опыту умирания других людей, особенно близких и дорогих, но и начинает чаще думать об этом, ощущать ее приближение, что отражается на образе жизни человека, который приобретает небывалые ранее черты мудрости. Но в отличие от собственной смерти, опыта которой не имеет ни один живущий человек, смерть ближнего оставляет неизгладимый след во всей его последующей жизни. Смерть близкого человека абсурдна и безжалостна, непоправима и нелепа. Самым большим потрясением для любого из живущих является смерть самых близких ему людей: «Смерть другого – вот он, самый страшный удар смерти. Она не воспринимается как необходимое и закономерное завершение жизни. Мы не понимаем и не принимаем не свою собственную смерть, а именно смерть другого» [6, с. 278]. Умерший человек оставляет о себе лишь воспоминания. Самим фактом смерти он объединяет скорбящих по нему людей, делает их чувствительнее, милосерднее, учит чувствовать чужую боль, творить добро, завершать начатое. Но мир продолжает существовать без него. Продолжается развитие культуры, появляются новые произведения науки, техники и искусства, люди продолжают влюбляться, мечтать, любить, ненавидеть, надеяться, разочаровываться, ставить новые цели. А умершего человека уже нет и никогда больше не будет.

Осознание всего этого в экзистенциальной философии стало не только поводом для провозглашения жизни бессмысленной у А. Камю, но и, наоборот, – основанием для восприятия любой жизни как уникальной, ценной самой по себе, а также дающей возможность человеку относительного бессмертия, проявленного в результате самореализации личности в культуре. Это одна из ключевых идей социовитальной концепции смысложизненной интенциональности экзистенции человека: «Человек с точки зрения его экзи-

стенции смертен лишь частично: он смертен как индивид и индивидуальность, личностное же проявление экзистенции человека преодолевает временные границы его жизни как индивида. И чем более развита, чем ярче и оригинальнее проявляется личностная компонента экзистенции человека, тем менее привязана она к границам существования человека как индивида» [11, с. 15]. Иными словами, личностное измерение человека способно преодолевать временные границы биологической жизни человека¹. И это особенно актуально для человека, живущего в XX–XXI веках, которые привнесли в его жизнь беспрецедентные возможности технического, особенно аудиовизуального, отражения его жизни и творчества.

Выдающиеся люди, полноценно и творчески реализующие себя в социокультурном пространстве, часто интуитивно или сознательно приходили к пониманию этого. Известный американский композитор Джерри Голдсмит (1929-2004) на протяжении более чем полувека создававший выдающиеся саундтреки к известнейшим фильмам, отмечал: «Если моя музыка переживет меня, в чем у меня нет сомнения, то это произойдет только потому, что она хорошая» [10, с. 146]. И действительно, он сейчас – признанный классик киномузыки, оказавший огромное влияние на развитие современного поколения кинокомпозиторов, а его музыка звучит не только в фильмах, но и в концертных залах филармоний по всему миру. В своем творчестве Д. Голдсмит как личность по-прежнему жив: «Этот человек реализовал себя во всем: в жизни, в музыке, в творчестве, в семье. У него было пятеро детей, шесть внуков и правнук. Такова судьба музыкального гения, сумевшего найти свой путь и проявить себя в условиях современной культуры» [10, с. 153]. Прожив три четверти века, из которых большая часть была посвящена самореализации, он умер во сне. Конечно, такой путь доступен не для каждого человека не только в силу его способностей, но и социокультурных условий, которые далеко не всегда могут способствовать полноценной самореализации.

Но если жизнь дифференцирует людей, то смерть их уравнивает. Для человека как индивида смерть представляет собой совершенно естественное явление, играющее не только полезную, но и необходимую роль в эволюционном процессе: «Без смерти, которая придала самое полное и серьезное значение факту выживания наиболее приспособленных и таким образом сделала

¹Со школьной скамьи все помнят пушкинские строки: «Нет, весь я не умру – душа в заветной лире Мой прах переживет...».

возможным прогресс органических видов, человек вообще никогда не появился бы» [15, с. 223]. Поэтому смерть есть фактор обновления бытия. Смерть дает человеку повод задуматься о временном и вечном и соотнести свой образ жизни с данными категориями, проверив, насколько он содействует первому или второму.

Смертность существования человека в эволюционирующем мире, органическая жизнь в котором существует уже более 3,5 миллиардов лет, делает его жизнь мимолетной, трагичной и эфемерной: «Человек существует, только исчезая, умирая, существует как фантом, как призрак, как метафора – метафора самого себя» [16, с. 308]. Данный аргумент, звучащий в устах скептиков и критиков самореализации личности как способа утверждения жизни в мире культуры, часто используется как способ приобщения человека к мировоззрению, оперирующему категориями абсолютного. Якобы в отличие от бренного есть вечное, в противовес несовершенному провозглашается совершенное. Все это может привести и приводит к ценностной переориентации человека, к коренной перестройке его образа жизни, к отказу от восприятия жизни как главной ценности и формированию ценностного отношения к смерти.

Современная философская антропология же не исходит и не может исходить из категорий абсолютного. Руководствуясь «...стремлением адекватного объяснения природы человека и выработки соответствующей научно-рациональной методологии познания жизни» [11, с. 28], она базируется на том, что «...устаревший субстанциональный подход к человеку должен уступить место эволюционному, генетико-феноменологическому» [11, с. 28]. А значит все в мире, в том числе и сам человек, подвержено постоянному движению, изменению, эволюции, что само по себе должно быть контраргументом квиетизму бездействия, лени, отчаяния, пассивности. Поэтому как смысл жизни, так и смысл смерти человека нужно рассматривать и находить в контексте непрерывного эволюционного процесса всего природного и, прежде всего, культурного бытия. И даже признавая то, что человек живет и самим фактом своей жизни с каждой секундой приближается к смерти, он по своей природе призван идти вперед, действовать, творить, преобразовывать, даже осознавая условность и относительность не только результатов своей жизни, но и самой жизни. В этом смысле реально живущий человек «...не может жить в чистом существовании, как он никогда и не живет, а только собирается жить, или

вспоминает о тех мгновениях, когда он действительно жил» [16, с. 309]. Поэтому даже ощущение счастья чаще возникает у человека не тогда, когда он получает наслаждение, а когда о нем вспоминает или предвосхищает.

Человеку в жизни всегда трудно быть до конца удовлетворенным. Его жизнь сопряжена с постоянной неудовлетворенностью, что толкает его искать смысл жизни за ее пределами, выходить за рамки наличного бытия, пытаться заглядывать в бездну смерти, преодолевать в человеке чисто человеческое. Эта способность, по М. Шелеру, и определяет в человеке его особое положение в космосе: «Только человек, поскольку он личность, может возвыситься над собой как живым существом и, исходя из одного центра как бы по ту сторону пространственно-временного мира, сделать предметом своего познания *все*, в том числе и себя самого» [19, с. 160]. В этом и кроется экзистенциальная несвязанность человека с его биологической жизнью, его духовность, его свобода.

Безусловно, смерть человека, как и жизнь, имеет не только биологическое измерение. Она может проявляться и на психологическом, и на социальном уровне. Лишь находясь в окружении «созвездия значимых» и выступая в нем «социальным атомом», человек в системе эмоционально-значимых привязанностей не подвержен социальной смерти. Социальный атом, хоть и иногда обновляется, но «частота эмоционального обмена стремится к равновесию» [7, с. 108]. Распад социального атома вследствие утраты его членов приводит человека к переживанию социальной смерти за счет преждевременного наступления старения, чувства опустошенности, появления болезней. В этой связи А.А. Налчаджян подчеркивает: «Примеров того, как люди ускоренно старели и умирали после смерти своих близких, очень много... Отсутствие в жизни человека любви, одиночество и заброшенность ускоряют наступление смерти» [8, с. 96]. Социальная смерть может способствовать и психологической смерти личности, проявляющейся в потере смысла, ценности и целесобразности собственной жизни. Лишенный смысложизненных ориентиров человек, переживающий состояние дистресса, оказывается подверженным девиантному, деликвентному или суицидальному поведению. Поэтому смерть в психологическом и социальном смыслах является фактором приближения биологической смерти человека, которая в отличие от первых двух видов абсолютно необратима. Для каждого из нас наша жизнь одна. В этой связи Е.А. Склярова вопрошает: «Так почему же иногда мы так бездарно и глупо

смейте распоряжаться этой жизнью, зная, что, все, что мы делаем, создаем или разрушаем – все это для нас *навсегда!* Мы знаем это, но все равно зачастую поступаем так, как должны поступать, воспринимая иллюзии как реальность, зло как добро, добро как зло, черное как белое, а белое как черное...» [14, с. 51–52]. Вопрос риторический.

Смерть конкретного человека «...придает прожитой им жизни смысл тем, что он успел из своего собственного личностного потенциала реализовать при жизни для других людей, а значит и для прогресса, истории, науки, культуры и т.п.» [11, с. 243]. В этом смысле биологическая смерть есть всегда «точка отсчета» значения прожитой жизни человека, последняя перевернутая страница его экзистенции, открывающая возможность целостного осмысления всей жизни человека, степени количества, качества и уникальности его вклада в природное и социокультурное целое.

Как неповторима, необратима и уникальна жизнь каждого человека, уникальны и культурные условия его жизни, поскольку они постоянно трансформируются. Это обусловлено качеством необратимой направленности всего эволюционного процесса природы и культуры. А.С. Северцов: «эволюция не может идти вспять по уже пройденному пути, подобно киноленте, перематываемой в обратную сторону» [13, с. 352]. При этом эволюционирует всё: Вселенная, человек, мораль, жизнь, гены, экономика, технологии, мышление, индивидуальность, образование, популяции, роль личности, власть, религии и др. Совершенно ошибочно считать эволюцию свойством только биологических систем и сводить ее к передаче модифицированного генетического материала из поколения к поколению с помощью механизма отбора. Эволюция имеет глобальное измерение. Согласно М. Ридли, «именно через призму эволюции легче всего понять изменения, происходящие в человеческом обществе и в природе» [9, с. 6]. Сквозь призму эволюции философская антропология и находит приемлемое объяснение и осмысление феномена жизни и смерти человека.

Личный вклад каждого человека, осуществляемый им в жизни в мире культуры, становится основной детерминантой направленности исторической эволюции историко-культурных систем от более простого состояния к более сложному, от жесткой природной детерминированности к увеличению культурной свободы самоопределения. Стоит согласиться с А.Я. Флиером: «В каком-то смысле история культуры – это история расширения возможно-

стей деятельности (как технических решений, так и социально разрешенных вариантов), ее интерпретаций, ее проектирования и пр. Это последовательное расширение «территории свободы» в культуре» [17, с. 18]. Поэтому эволюционные трансформации культуры, возникающие в результате диалектики жизни и смерти сменяющихся друг друга поколений людей, в цивилизованной части человечества с каждым новым поколением приводят к расширению возможностей свободы человека, ее качества и видового проявления.

Видимо для этого люди рождаются и умирают. На субъективном же уровне люди, проживающие полноценную жизнь и гармонично реализующие себя, доживающие до старости, воспринимают собственную смерть без большого страха и обиды. В отличие от многих других людей, которые узнавая о неизбежности скорой смерти, испытывают ее неприятие, страх и обиду, вымаливают у высших сил или врачей возможность продления жизни, впадают в депрессию и, наконец, покоряются судьбе, полноценно реализовавшие себя люди принимают смерть с осознанием значительности прожитой жизни. Именно поэтому осознание неизбежности собственной смерти человека, особенно пока он молод, полон сил и энергии, должно стать основой для экзистенциального потрясения, последующего пробуждения и реализации своей личности. Борьба за личность, ее реализацию и есть путь к относительному бессмертию в достижениях творчества, не только находящих воплощение в культуре, но и являющихся условиями эволюционных трансформаций культуры.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти / Пер. с франц. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Прогресс-Академия», 1992.
2. *Бердяев Н.А.* О назначении человека. М.: Республика, 1993.
3. *Золотухина-Аболина Е.В.* Философская антропология. Ростов-на-Дону: Феникс, 2014.
4. *Кантор В.К.* Какие сны приснятся в смертном сне, или жизнь в смерти // Вопросы философии. 2014. № 5.
5. *Киреева Л.Е.* Генезис, специфика и механизмы преодоления страха человека в социокультурной реальности конца XX – начала XXI вв. / Автореф. дис. канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2017.

6. *Марков Б.В.* Философская антропология. СПб.: Питер, 2008.
7. *Морено Дж. Л.* Социометрия. Экспериментальный метод и наука об обществе. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958.
8. *Налчаджян А.А.* Загадка смерти (Очерки психологической танатологии). СПб.: Питер, 2004.
9. *Ридли М.* Эволюция всего / Пер. с англ. М.: Изд-во «Э», 2017.
10. *Руденко А.М.* Судьба музыкального гения в современной культуре: композитор Джерри Голдсмит (1929–2004) // Человек и общество: на рубеже столетий: международный сборник научных трудов. Вып. XXXIX. Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2007.
11. *Руденко А.М.* Социовитальная концепция смысложизненной интенциональности экзистенции человека / Дис. докт. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2012.
12. *Руденко А.М.* Философско-антропологическая экспликация феномена любви: от классики до постмодерна / Дис. канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2007.
13. *Северцов А.С.* Теория эволюции. М.: ВЛАДОС, 2005.
14. *Склярова Е.А.* Экзистенциальные размышления на тему: Кто ты – человек III тысячелетия?» // Человек и общество: на рубеже столетий: международный сборник научных трудов. Вып. XXXVII. Воронеж: ВГПУ, 2007.
15. Философия / А.М. Руденко и др. / Отв. ред. А.М. Руденко. Ростов-на-Дону: Феникс, 2018.
16. Философская антропология / Под ред. С.А. Лебедева. М.: ИКЦ «Академкнига», 2005.
17. *Флиер А.Я.* Эволюционные трансформации культуры // Культурологический журнал. 2011. № 3 (5). URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/81.html&j_id=7
18. *Чайковский П.И.* Избранные письма / Сост. и коммент. Н.Н. Синьковской. М.: Музыка, 2002.
19. *Шелер М.* Положение человека в космосе // *Шелер М.* Избранные произведения. М.: Изд-во «Гнозис», 1994.

R E F E R E N C E S

1. *Ares F.* Man in the face of death / Trans. from French. M.: Publishing group "Progress" - "Progress-Academy", 1992.
2. *Berdyayev N.A.* On the appointment of a person. M.: Republic, 1993.
3. *Zolotukhina-Abolina E.V.* Philosophical anthropology. Rostov-on-Don: Phoenix, 2014.
4. *Kantor V.K.* What dreams are dreamed of in a mortal dream, or life in death // Questions of Philosophy. 2014. No 5.
5. *Kireeva L.E.* Genesis, specificity and mechanisms of overcoming human fear in the socio-cultural reality of the late twentieth and early twenty-first centuries / Thesis abstract. Rostov-on-Don, 2017.
6. *Markov B.V.* Philosophical anthropology. St. Petersburg: Peter, 2008.
7. *Moreno J.L.* Sociometry. Experimental method and the science of society. Moscow: Foreign Literature Publishing House, 1958.
8. *Nalchadzhyan A.A.* The Mystery of Death (Essays on Psychological Tanatology). St. Petersburg: Peter, 2004.
9. *Ridley M.* Evolution of the whole / Trans. from English. Moscow: Publishing House "E", 2017.
10. *Rudenko A.M.* The fate of musical genius in contemporary culture: composer Jerry Goldsmith (1929-2004) // Man and Society: at the Turn of the Centuries: an International Collection of Scientific Works. Issue. XXXIX. Voronezh: Publishing House of VSPU, 2007.
11. *Rudenko A.M.* Sociovitual concept of the meaningful intentionality of human exposure / Thesis. Rostov-on-Don, 2012.
12. *Rudenko A.M.* Philosophical-anthropological explication of the phenomenon of love: from klassiki to postmodern / Thesis. Rostov-on-Don, 2007.
13. *Severtsov A.S.* Evolution theory. M.: VLADOS, 2005.
14. *Sklyarova E.A.* Existential reflections on the topic: Who are you - a man of the 3rd millennium? // Man and Society: at the Turn of the Centuries: an International Collection of Scientific Works. Issue. XXXVII. Voronezh: VSPU, 2007.
15. *Philosophy / A.M. Rudenko etc. / Ed. A.M. Rudenko.* Rostov-on-Don: Phoenix, 2018.

16. *Philosophical Anthropology* / Ed. S.A. Lebedev. Moscow: Academic Book Center, 2005.
17. *Flier A.Ya.* Evolutionary transformation of culture // *Culturological Journal*. 2011. No 3 (5). URL: http://www.cr-journal.ru/eng/journals/81.html&j_id=7
18. *Tchaikovsky P.I.* Selected letters / Comp. and comments. N.N. Sinkovskaya. M.: Music, 2002.
19. *Scheler M.* The position of man in space // *Scheler M. Selected works*. Moscow: Publishing house "Gnosis", 1994.

12 февраля 2018 г.
